

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Мых-Степняк
(г. Тула)

**«НЕЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК»:
СОЛЖЕНИЦЫН, ШАЛАМОВ,
ТВАРДОВСКИЙ И «НОВЫЙ МИР»**

Николай Александрович, родился в Казахстане в 1940 году, где и прожил большую часть своей жизни. Окончил Уральский педагогический институт, Алма-Атинскую высшую партийную школу, аспирантуру при Казахском государственном университете. Кандидат исторических наук, доцент. Работал в газетах, преподавал в вузах. Автор трех книг прозы.

В Туле проживает с 2001 года.

«Новый мир» Твардовского «открыл» миру Солженицына, а «Новый мир» Залыгина возвратил его людям. Именно в этом очень популярном журнале читатели прочли все основные произведения Солженицына.

О том, как «открывали» писателя... Свой первый крупный рассказ «Щ-854», прославивший писателя, он давал читать своим близким и друзьям. (Прочел его и литератор Лев Копелев и отозвался кисло: обыкновенный материал на производственную тему. Однако в «Новый мир» отнес.) А литературная сотрудница Анна Берзер передала рассказ Твардовскому со словами: «Прочтите. Лагерь глазами мужика, очень народная вещь...». Позже утверждали и в «Новом мире», и в окололитературных кругах, что не попади рассказ в руки редактора «Нового мира», судьба его была бы еще более затруднена, хотя и без этого от чтения рассказа редактором до его появления в журнале в напечатанном виде прошло одиннадцать месяцев.

...Итак, рассказ «Щ-854» в руках у Твардовского. Поэт уже ложился спать, а перед сном решил прочесть несколько страниц. Но уже через короткое время, удивленный, взволнованный, восхищенный и не верящий еще в то, что это оригинальное произведение, а не талантливая подделка, встал, оделся и не уснул до тех пор, пока рассказ (по его предложению названный повестью «Один день Ивана Денисовича») не прочел до конца.

Солженицын упрекнул позже А.Твардовского за промедление с печатанием «Денисыча». Долго, слишком долго она лежала в редакции «Нового мира». Ее обсуждали и обсуждали, давали на отзыв многим маститым литераторам. Автор повести писал: «Как не сказать теперь, что Твардовский упустил золотую пору, упустил при-

ливную волну...» («Бодался теленок с дубом»). На самом деле Твардовский сделал все, чтобы эту острополитическую повесть напечатали. И даже ему было это нелегко. Потребовалось даже обратиться к первому секретарю ЦК партии коммунистов Никите Хрущеву, понадобилось даже специальное решение политбюро ЦК партии.

...У Твардовского было несколько заместителей. И один из них — осторожный, опытный Андрей Дементьев говорил Твардовскому по поводу публикации «Одного дня»: «Учти, Саша! Даже если нам удастся эту вещь пробить, и она будет напечатана, они нам этого никогда не простят. Журнал на этом мы потеряем. А ты ведь понимаешь, что такое наш журнал. Не только для нас с тобой. Для всей России». «Понимаю, — ответил Твардовский. — Но на что мне журнал, если я не смогу напечатать ЭТО».

Интересен сам по себе следующий эпизод. Солженицын в кабинете у главного редактора «Нового мира» — прославленного поэта. Беседуют: поэт и малоизвестный рязанский математик. Твардовский подает Александру Исаевичу газету «Известия» со статьей о нем самого крупного в то время поэта Константина Симонова. Солженицын, взяв газету, отложил ее и сказал: «Ну, это — потом». Твардовский поражен: «Это же первая статья о вас!» На что Солженицын спокойно отвечает: «Обо мне уже писали в Рязани, когда наша команда победила в соревновании по велогонкам!» Зазнайка Солженицын? Вроде, должен бы прыгать от радости! Знал уже себе цену? Гордец?! В последующие годы жестко поносили его за гордыню на все лады. Он был не таким, как все!

В современной мемуарной литературе (раньше — меньше, а сейчас — особенно) насаждается образ Солженицына — писателя жесткого, нетерпеливого к любым возражениям, а тем более к критике. Толково эту проблему, на мой взгляд, решил еще, когда Солженицын сотрудничал в «Новом мире», один из заместителей журнала литературный критик В.Лакшин: «Могу подтвердить: за малыми исключениями все авторы, особенно понюхавшие дыма славы, амбициозны, чувствительны к похвалам, как дети, и не переносят малейшей критики, уязвимы, пристрастны, эгоцентричны. Но Солженицын не просто писатель великий, наделенный огромным талантом, сокрушительной энергией и волей, которая стала тоже частью и качеством этого таланта, помогла ему выжить и утвердиться в крайне неблагоприятных для него обстоятельствах». Достоевский в сходной ситуации высказался так: «Потребность заявить себя, отличиться, выйти из ряда вон — есть закон природы всякой личности».

Писатель допускает ошибки? Настоящий большой писатель — большой художник, поэт, мечтатель — в нем заложена способность мифотворчества — бунт романтики против прозы жизни. Создавать образы, сочинять, придумывать несбыточное, невозможное — его задача. Писатель Л.Чуковская (12 мая 1978 г.) писала: «Александр Исаевич проповедует мысли, может быть, и ложные, но он на них настаивает, он за них в изгнание попал (а перед этим здесь терпел муки), у него есть мысль, религия, идея, он — проповедник, пророк, художник, подвижник, гений, обуреваемый мыслями. Процесс жизни у него превратился в процесс работы».

...У журналистов во все времена была зависть друг к другу, соперничество — за право первым открывать новую тему, первым рассказать о чрезвычайном событии или о всех захватившей новости: о сенсации. Когда в газете «Известия», второй по величине и значению газете страны (редактором ее был Алексей Аджубей, зять Хрущева), узнали, что в ближайшем номере «Нового мира» печатается повесть, разоблачающая (новость!) и осуждающая систему сталинско-бериевских лагерей, то решили «новомирцам» перейти дорогу. Аджубей приказал подыскать и опубликовать рассказ на эту тему. Вспомнили, что такой рассказ был уже у них, но выброшен. Материал срочно отыскали и напечатали. Встретив на каком-то кремлевском приеме Твардовского, Аджубей сказал ему:

— Говорят, вы готовите какую-то скользкую вещь какого-то Солженицына?

Твардовский парировал:

— Тот, помните, рассказ Шелеста — был у нас. Мы могли бы попридержать его на полгодика, до выхода Солженицына, да не могли подумать, что такое дерьмо кто-нибудь подберет.

Еще больший резонанс в мире произвело еще одно гениальное произведение Солженицына «Архипелаг Гулаг». Знакомство советских читателей с этим произведением начиналось так. Из дневника «новомировца», литературного критика В. Лакшина: «Вчера Н. П. Смирнов пришел в редакцию и сказал торжественно: «Событие в литературном мире. Новая вещь Солженицына «Архипелаг Гулаг». 1200 страниц. Это и критика, и эссе, и мемуары — обзор нашей жизни с 17 г. до наших дней. Что-то вроде «Былого и дум». Видимо, эта рукопись каким-то образом, выпорхнула и пошла гулять...». «Да,— добавляет В. Лакшин,— он — фанатик литературы, Аввакум XX века, его творчество — самосожжение, почти религиозная страсть говорить правду». (Дневник В. Лакшина, апрель 1968 г.)

В отечественной мемуаристике обсуждалась тема: насколько велика роль Твардовского в открытии нового имени. Сам Солженицын считал,— а это обижало «новомировцев»,— что Троя существовала сама по себе независимо от Шлимана. Да, крайне непросто было напечатать «Денисыча», пришлось обратиться даже к всемогущему партийному боссу. А если бы не усилия Твардовского и «Нового мира»? Разве нет в мире таких открытий, которые погибли оттого, что не были своевременно обнародованы и востребованы?

Твардовский нередко гневался на Солженицына в минуты их разногласий. И в его отсутствие, и в шутку и всерьез, цитировал стихотворение одного известного английского поэта в переводе Маршака:

*Вскормил кукушку воробей,
бездомного птенца.
А тот возьми да и убеи
приемного отца.*

«Вы ничего не хотите простить советской власти, ничего не хотите забыть»,— как-то сказал писателю Александр Трифонович. «Но ведь память художника — основа его творчества»,— парировал в ответ Солженицын. И подумал: «Нет, не проходит поэту безнаказанно столько лет состоять в партии». Есть свидетельства, что у Твардовского в кабинете висел портрет Сталина. Поэт долго не позволял его снять, говоря: «Пока он у меня тут, в сердце, я его со стены не сниму».

Солженицын жил не по правилам: большинство шло в одну сторону — советскую, а Солженицын — в другую. (За границей — стал критиковать Запад. Когда вернулся в Россию,— тоже не молчал.)

Знаменитая, тут уже упоминавшаяся Чуковская записывала в дневнике: «Твардовский не понял тогда (60—70-ые годы), что Солженицын не его поля ягода, что он давно выпал из системы и путь его высок — под куполом, а он, Твардовский и его журнал — всего лишь некоторое отклонение от норм советской печати и «Страны Муравии». Жаль Твардовского». И тем не менее Солженицын и Твардовский любили друг друга, доверяли друг другу и ценили один другого, вели многочасовые дружеские, но и взрывоопасные (доходившие до разрыва отношений) разговоры. Солженицын как-то сказал в сердцах поэту: «Так, как вы, со мною не разговаривали даже надзиратели».

Твардовский поэтическим чутьем проник в тайну немилосердной, необъяснимой

зависти многих к Солженицыну: «Ему не прощают не только таланта и успеха, ему не прощают иной раз природы личности. Он — мера.* Я знаю писателей, которые отмечают его заслуги, достоинство, но признать не могут, боятся. В свете Солженицына они принимают свои естественные масштабы».

Думаю, уместно будет привести здесь часть письма Корнея Чуковского Солженицыну: «Встретил Катаева, он возмущен повестью «Один день», которая напечатана в «Новом мире». К моему изумлению, он сказал: «Повесть фальшивая: в ней не показан протест». — «Какой протест?» — «Протест крестьянина, сидящего в лагере». — «Но ведь в этом же вся правда повести: палачи создали такие условия, что люди утратили малейшее понятие о справедливости и под угрозой смерти не смеют думать о том, что есть на свете совесть, честь, человечность. Человек соглашается считать себя шпионом, чтобы следователи не били его. В этом вся суть замечательной повести». — А Катаев говорит: «Как он смел не протестовать хотя бы под одеялом». А много ли протестовал сам Катаев во время сталинского режима? Он слагал рабы гимны, как и все».

Самые пронизательные и художественно одаренные современники Солженицына, восхищаясь им как писателем, не скрывали своего потрясения от знакомства с Солженицыным — человеком. Первой, кажется, разглядела его особую природу Анна Ахматова: «Све-то-но-сец! Мы и забыли, что такие люди бывают... Поразительный человек. Огромный человек!» Еще не были написаны «Архипелаг», «Красное Колесо», не случилось второго ареста и изгнания, но Ахматова все угадала.

Говоря о творческих поисках и достоинствах прозы Солженицына, новизне темы, герое его прозы, его художественных исканиях, Твардовский высказался так: «Мне ясно, у Солженицына как у писателя есть такой художественный прием: он берет человека в моменты его высших страданий — будь то тюрьма, война или смертельная болезнь». (Здесь я беру на себя смелость дополнить знаменитого поэта. Александр Исаевич смело вторгается даже на заминированное поле, не жалея ни себя, ни других! Н. М.-С.)

...В стране с годами создавались, — в основном по вине администраторов, в том числе и чиновников от литературы, — невыносимые условия для творчества Солженицына. В истории с писателем повторялись те же грубейшие ошибки, которые были допущены по отношению к Б. Пастернаку.**

Защищали Солженицына и «новомировцы». Так, В. Лакшин, выражая и мнение журнала, записал в дневнике: «Но иногда я думаю, что займи руководство лично к нему более лояльную позицию, не помешай оно получить ему в 1964 году Ленинскую премию, дай напечатать на родине «Раковый корпус» и «В круге первом», — и Солженицына мы видели бы сегодня иным. Надо отдать должное Александру Исаевичу. Он долго проявлял известную гибкость и терпимость в отношениях с Союзом писателей, не отвергал разумных компромиссов, и не его вина, что ему не пришли навстречу. Писатель — существо обостренно личное, эгоцентричное, и этого не поняли те, кому ведать надлежит. Они оттолкнули его и сделали своим злейшим врагом. Помню, Твардовский давал такую трактовку происшедшего с Солженицыным: «Его жали, жали и дожали так, что он потек».

Андропов в конце концов своего добился. В январе 1974 года на политбюро ЦК партии решался вопрос о Солженицыне. Андропов сказал: «Я с 1965 года ставлю

* Отталкиваясь от этой подсказки, я вношу предложение: принять меру оценки творчества писателя — «солженицын». Как — ампер, ом, вольт, джоуль-ленц... градус, рубль... Один солженицын; пол-солженицына, одна треть... Одна десятая часть!

** «За Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его», — говорил на политбюро ЦК партии, как это ни странно сейчас знать, министр внутренних дел страны Щелоков. Он предлагал разрешить Солженицыну ездить за границу, не лишая гражданства, а, напротив, дать ему в Москве квартиру. Брежнев согласился со Щелоковым, а потом согласился и с Андроповым, имеющим другое мнение.

вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Это опасно. В нашей стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев, других враждебных элементов. Поэтому надо принять все меры, о которых я писал в ЦК, т.е. выдворить из страны». (Памятные для Солженицына и его биографов даты: 9.02.1945 — арестован, 9.02.1953 — освобожден, 13.02.1974 г. — выслан.) И в дальнейшем, до самой смерти Твардовского «Новый мир» был на стороне преследуемого автора. С 1965 года Солженицын в стране не публиковался, его произведения изымались из библиотек. Был распушен слух, что Солженицын служил в гестапо. Произведения опального автора появлялись и в «самиздате», и в «тамиздате», т.е. за границей, а это било по авторитету «Нового мира».

Твардовскому было, без сомнения, не легко. Журнал собирались разогнать. В 1966 году поэта не избрали ни в ЦК партии, ни в Верховный Совет, ни в Комитет по Ленинским премиям, членом которого он был с 1958 года. Он все беспомощней становился перед кусающей его непрестанно цензурой. Его упрекали за то, что он не отмежевался от антисоветчика Солженицына. Последние годы Твардовский стоял перед выбором: либо остаться на месте, зная, что тем, кто реально решает судьбу журнала, нужна лишь его фамилия; либо с болью, с горечью, но с гордостью, с сохранением достоинства — уходить. «Новый мир» то заключал договор на публикацию произведений писателя, то его расторгал, или Солженицын сам забирал свои произведения, передавая их на Запад. А это уже считалось преступлением. Запад писателя охотно публиковал, не высылая Солженицыну гонораров. Там публиковались рассказы и повести, «Крохотки», роман «В круге первом», «Раковый корпус» и, конечно, «Архипелаг Гулаг», позже — «Красное Колесо». И на этой почве у Твардовского с Солженицыным были конфликты, ссоры, взаимные обиды. Безгонорарная, безденежная работа! И только много лет спустя гонорары от «Архипелага» через Русский Общественный Фонд стали поступать бывшим политзаключенным.

Постепенно петля, которую затягивали на горле «Нового мира», сработала. Окончательным поводом для разгона редакции «Нового мира» стала публикации за рубежом поэмы секретаря Союза писателей, главного редактора «Нового мира» Твардовского «По праву памяти» (запрещенной в России без обсуждения и без объяснения причины). Из «Нового мира» сначала уволили пятерых сотрудников (беспрецедентное ущемление прав главного редактора), а затем без промедления приняли и саму отставку редактора. Солженицын и Твардовский, придушенные одновременно, (в ноябре 1969 г. Солженицын исключен из Союза писателей) долго не встречались, переживая каждый по-своему свою беду. «Есть много способов убить поэта. Твардовского убили тем, что отняли «Новый мир», — скажет Солженицын позже.

Громкую славу и широкую известность на Западе Солженицын получил после написания и широкого распространения письма в адрес президиума IV Всесоюзного съезда Союза советских писателей (май 1967 г.), делегатам этого съезда, редакциям литературных газет и журналов. Вызвало оно буквально шок, имело эффект разорвавшейся бомбы. Однако в жизни Солженицына ничего не менялось: его и не запрашивали официально, — и не печатали.

На Западе в течение 1970 года развернулась кампания за выдвижение Солженицына на Нобелевскую премию. В январе 1970 года роман «В круге первом» Грэмом Грином, известным английским писателем, назван «лучшей книгой года». На Нобелевскую премию его предложили выдвинуть английские и норвежские писатели. В 20-х числах июля 1970 года стало известно, что большая группа французских писателей, ученых и деятелей искусства предложили дать Нобелевскую премию Александру Солженицыну за повесть «Один день Ивана Денисовича». В комментариях говорилось, что Солженицын — величайший писатель современности, равный Достоев-

скому, к тому же обладающий огромным мужеством. Премию Солженицыну присуждает Нобелевский комитет по литературе за 1970 год — 8 октября 1970 года.

В связи с присуждением премии у Солженицына возникают новые многочисленные проблемы. Наконец, 13 февраля 1974 года Солженицына высылают из страны, самолетом Москва — Франкфурт депортируют в ФРГ.

Еще до высылки Солженицына за границу, его произведениям стал навязываться самиздатский статус. С 14 февраля 1974 года, когда Главное управление по охране государственных тайн издало приказ об изъятии произведений Солженицына из библиотек, его пять пробившихся в печать произведений окончательно сравняли с запрещенной литературой. Особенно в тяжелом положении оказалось «Красное Колесо» — оно было недоступно для советского читателя. А ведь именно ему предназначалось.

Об изгнания писателя из страны читатели узнали из следующего сообщения ТАСС. 15 февраля 1974 года в «Советской России» они прочли: «Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын Александр Исаевич. Семья может выехать к нему как только сочтет это необходимым».

...Оказавшись за границей, Солженицын стал, казалось бы, без особой на то нужды, как говорят исследователи, спешить с публикацией биографических материалов, торопясь создать свою версию автобиографии. В чем-то он был прав. (Есть много подобных примеров: Маяковский спешил рассказать о себе. Одна из статей так и называлась: «Я — сам».)

Однако, книга его «Бодался теленок с дубом» была слишком «горяча» и встречена в основном отрицательно. Позже писатель соглашался со справедливостью некоторых упреков. В главах очерков «Угодило зернышко промеж двух жерновов» (1978 г.) он сам признается в ошибках, в том, что не открыл всего доброго, что можно было сказать о Твардовском: слишком был захвачен борьбой, давал простор нетерпеливым, а иногда и несправедливым оценкам боя. Солженицын снимал упреки и журналу, и его сотрудникам — подневольным госслужащим: что они могли сделать в дни разгона журнала? И не мог «Новый мир», за что его раньше упрекал Солженицын, устанавливать печатанием «следующие классы смелости», так как вся сила была не в их руках.

...И еще несколько слов об отношении друг к другу двух других великих людей эпохи: Солженицына и Сахарова. В 1986 г. Сахарова вернули из горьковской ссылки в Москву. На это событие Солженицын откликнулся так: «Сахаров нужен этому строю, имеет великие заслуги перед ним, да и не отрицает его в целом. А я — режу их под самый ленинский корень, так что: или этот строй, или мои книги».

Или «да», или «нет». Третьего не дано. Нельзя быть чуточку беременной... Или разрушить до основания то, что не жизненно, или... И никакого приспособления, прилаживания одного политического строя к другому.

...Крайне интересно посмотреть, как складывались отношения двух писателей, бывших политзаключенных — Солженицына и Варлама Шаламова, в своих «Колымских рассказах» и стихах отразившего «опыт» сверхчеловеческих испытаний в сталинских тюремных лагерях.

Солженицын, будучи уже известным писателем и будучи вхож в редакцию «Нового мира», показал Твардовскому стихи Шаламова. Тот отверг их, как и «Колымские рассказы», которые впервые были опубликованы за границей только в 1979 году, за три года до смерти их автора.

Казалось, что два писателя-лагерника сойдутся во взглядах на жизнь, на тюремный мир. Но этого не случилось. Дело в том, что Солженицын, как, может быть, и не парадоксально на первый взгляд звучит, лагерь и ссылку рассматривал... как «путь к восхождению духа». «Благодарю, тюрьма, что ты была в моей жизни», — писал он. И еще: «Благословенны не победы, а поражения». «Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если бы меня не посадили». «Я — человек лагеря». «Тюрьма перевела стрелки в моей судьбе». «Каждый человек, — считал Солженицын, — обязан принять свою долю испытаний, несчастья помогают правильно оценить окружающий мир и понять его».*

Шаламову в лагерях пришлось много труднее на Колыме: 50-ти градусный мороз, голод... Шаламов был убежден и считал: тюрьма — это растление духа, а не восхождение его.

Солженицыну тоже было не сладко, но по его словам «математика спасла его». Почти одновременно с Солженицыным (конец 50-х годов прошлого столетия), когда Александр Исаевич написал свою повесть об Иване Денисовиче, Шаламов пишет рассказ «Последний бой майора Пугачева» — о побеге из лагеря заключенных, почти — вооруженное восстание, проникнутое восхищением и сочувствием автора.

(К этому времени Шаламовым было написано около 60 новелл и очерков колымского цикла, что составило бы вместе солидный том.)

Но могли бы эти произведения, хотя бы одно из них, быть напечатанными даже в «оттепельные» годы, даже если бы за них заступался всесильный тогда Хрущев? А «Денисыч» прошел — прямой антипод майора Пугачева и его друзей. Потому-то некоторыми писателями и читателями был заклеймен Иван Денисович как «непротивленец». Шаламову была неприемлема сама мысль «облегченности темы» с целью уступить требованиям цензуры. Шаламов не просто указывает на существование иного, еще более сурового лагерного мира. Речь идет об ином уровне правды — правды абсолютной, без условностей и без границ. Позже Шаламов напишет, что лагерная тема — «основной вопрос наших дней». С этим согласится и Солженицын, предложив Шаламову вместе писать «Архипелаг Гулаг». Шаламов не принял этого предложения и по идейным или идеологическим соображениям, и, наверное, просто испугавшись огромности темы, где, как говорил он, «разместится сто таких писателей, как Солженицын, и пять таких писателей, как Лев Толстой». Пришлось Солженицыну самому поднимать и разрабатывать тему.

Шаламов, отдавая должное достоинствам повести об Иване Денисовиче, писал ее автору в ноябре 1962 года: «Повесть — как стихи, — в ней все совершенно, все целесообразно. Каждая сцена, каждая строка настолько лаконична, умна, тонка и глубока, что, я думаю, «Новый мир» с самого начала своего существования ничего столь ценного, столь сильного не печатал». С течением времени оценки творчества Солженицына менялись. Шаламов в письмах высказал, в частности, такое замечание: «Около санчасти ходит кот — невероятно для настоящего лагеря, — кота давно бы съели... где этот чудесный лагерь? Хоть бы с годик посидеть там в свое время». Лагерь у Шаламова значительно страшнее, чем у Солженицына. Лагерь — это абсолютное зло: голод и холод убивают все человеческое.

Солженицын в повести «Один день Ивана Денисовича» изъясил некоторые фрагменты, заведомо зная, что они не пройдут через цензуру. Александр Исаевич хотел непременно напечататься. У Шаламова же: «Вопрос «печататься — не печататься»

* В пребывании в тюрьме есть что-то магическое, любопытное для писателя, по крайней мере, что-то притягивающее. Именно поэтому, думаю, мечтал и высказывал желание посидеть в тюрьме великий Лев Толстой. А наш современник — Сергей Довлатов писал: грош цена интеллигенту, не побывавшему в тюрьме (конечно, видимо, чтобы эта тюрьма была не Колыма).

для меня важный, но отнюдь не первостепенный. Есть ряд моральных барьеров, которые я перешагнуть не могу». (Из письма Шаламова Б. Пастернаку. 1956 год.)

И еще. Шаламов, будучи противником Сталина, коммунистических идей, не считал, что сталинизм и советская власть — одно и то же.

В свою очередь и Солженицын не всегда одобрительно отзывался о творчестве Шаламова. Его «Колымские рассказы» не удовлетворяли его и художественно, и идейно: «И с патриотизмом у Шаламова плохо, и с антисоветизмом плохо. Никогда, ни в чем, ни пером, ни устно не выразил оттолкновения от советской системы, не послал ей ни одного даже упрека...» (журнал «Новый мир», № 4, 1999 год.).

Расхождения в идейных, да и художественных позициях двух больших писателей не были преодолены. Шаламов, к примеру, одобрял идею конвергенции — идею академика Сахарова. Солженицын ее решительно отвергал. И, кажется, каждый прав по-своему. Как кто-то справедливо заметил: подтверждается объективное наличие в энергетическом поле любого писателя разных потенциалов — разрушительного и созидательного.

Шаламов участвует в схватке по высшему духовному счету, будучи уверенным, что «искусство — бессмертие жизни». Он — однозначен. Шаламову ближе всего образ пушкинского летописца-монаха Пимена, пишущего в келье «повесть плачевную» в надежде, что его услышат грядущие поколения, с той лишь разницей, что вместо пименовского «добродушия» у Шаламова — святое и правдивое негодование. (Так считает вологодский литературовед Валерий Осипов.)

Солженицын — не однозначен, и разными политическими силами читался и читается по-разному. При Ельцине Солженицын был главным козырем в борьбе с коммунизмом; при Путине и Медведеве — на первом месте солженицынская идея государственности. Даже деятели КПРФ в идеях Солженицына находят немало родственного для себя. Ведь он против власти денег!

Ситуация в России сегодня сложилась парадоксальная. С одной стороны представители либеральной интеллигенции считают себя антикоммунистами. С другой стороны — усиливается интерес к ленинской новой экономической политике, нэпу, как к одной из упущенных возможностей. К тому же повседневная жизнь страны, — особенно в провинции, — по-прежнему насыщена атрибутами советской эпохи, сохранена память о лучших советских временах. А преподавание истории в школе и даже в вузах, как представляется, — всего лишь немного модернизировано...

Шаламов, по понятным причинам, не был «допущен» к «Новому миру», хотя его значение огромно: он был одним из основоположников художественно-документальной прозы, т.е. таких произведений, в которых реализовался художественный потенциал документального материала и художественной структуры. Шаламов, не приемля классическую традицию построения рассказа, утвердил новый жанр, краеугольным камнем которого (как и у Солженицына) стало документальное свидетельство. Это роднит творчество двух великих писателей. Творчество как одного, так и другого в полной мере не исследовано.

Публикации Шаламова до 1988 года в нашей стране практически ограничивались куцыми художественными подборками и пятью тоненькими сборниками. Это уже позднее начались публиковаться произведения, да и то не все.

В контексте темы «Гулага» в русской литературе творчество Шаламова является одной из вершин — наравне с творчеством Солженицына. Шаламов отвергает всю литературную традицию с ее гуманистическими основами, поскольку, по его мнению, она показала всю неспособность предотвратить озверение людей и мира. «Печи Освенцима и Колыма доказали, что искусство и литература — ноль». (Из письма Солженицыну.) Проза Шаламова — это продолжение пушкинской традиции описа-

ния человека в особой ситуации, через его поведение, а не психологический анализ. В такой прозе нет места для развернутой рефлексии — размышлений, сомнений...

«Колымские рассказы» как и автобиографическая повесть «Четвертая Вологда», рассказ «Бутырская тюрьма», антироман «Вишера» в их духовном литературном значении относятся к итоговым для XX века ценностям русской литературы.

Реальный масштаб Шаламова до сих пор не осознан ни литературной критикой, ни фундаментальным литературоведением. В этом отношении Солженицыну «повезло» больше. Свидетельством этому является Международная научная конференция «Жизнь и творчество Александра Солженицына на пути к «Красному Колесу», состоявшаяся на финише 2011 года. Мне, автору этой статьи, довелось присутствовать на ней. Конференция была приурочена к 93-летию со дня рождения писателя. Организована Российской академией наук, Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям, Домом русского зарубежья имени Солженицына. О значении этого нерядового события говорит состав Оргкомитета конференции. Это — президент РАН Ю. Осипов; руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям А. Сеславинский; президент Русского Общественного Фонда имени Солженицына — вдова писателя — Наталья Солженицына; доктор филологических наук, профессор Л. Сараскина. В работе конференции принял участие и выступил с речью уполномоченный по правам человека при президенте РФ В. Лукин. В течение трех дней декабря было заслушано и обсуждено более 40 докладов, выступавших же было значительно больше. Докладчиками, выступавшими были специалисты-филологи, философы высочайшего уровня и квалификации — из почти двадцати стран мира: России, США, Великобритании, Японии, Германии, Китая, Франции, Австралии...

Мне запомнились доклады и выступления Никиты Струве (Франция), профессора Сорбонны, доктора философских наук, писателя и собирателя большей части письменного наследия русских эмигрантов — от Ивана Шмелева до Александра Солженицына; Жоржа Нива — слависта, профессора Женевского университета, почетного профессора многих европейских университетов, человека уникального, разносторонне образованного.

Глубокими и содержательными были доклады россиян — Владимира Котельникова — доктора филологических наук, главного научного сотрудника Института истории русской литературы РАН (Пушкинский Дом); докторов наук Б. Любимова, М. Голубкова, Л. Сараскиной, А. Немзера, заведующих кафедрами филологических факультетов университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Самары...

С большим вниманием были заслушаны и активно обсуждены доклады китайского ученого-русиста профессора Жень Гуаньсюань, американских ученых-русистов Ричарда Темпеста, Анны Аркатовой, японского ученого Кадзухиса Ивамото, священника из Ирландии Брендана Перселла, Майкла Николсона — ученого из Великобритании...

И хотя речь на конференции в основном шла об эпопее «Красное Колесо» — гениальном творении великого мастера, в докладах, в выступлениях в ходе обсуждения, в вопросах и ответах — затрагивались так или иначе все стороны биографии и творческой жизни Нобелевского лауреата Александра Солженицына.

В частности, отмечалось, что его огромное литературное наследие и идеи — изучены плохо. Люди относятся к нему по-разному: одни с восхищением и пониманием, другие — со скепсисом или ироничностью, третьи — с неприятием. Происходит это потому, что Солженицын затрагивал в своем творчестве самые горячие, самые гугучие темы и проблемы, а, заглядывая в будущее, — высказывал опережающее суждение. А многие, очень многие воспринимают прошлое — через настоящее!

Разночтению, разнопониманию Солженицына способствуют его колоссальные

знания, выдающийся ум, жизненный опыт, предельно долгая жизнь, включающая в себя годы учебы в университете, войну, тюрьму и ссылку, мучительную болезнь и преследования, двадцатилетнее пребывание вне пределов своей родины, неизвестность и мировую заслуженную славу. А чем крупнее человек, тем сложнее к нему отношение.

Во второй период редакторства (1954—1970) Твардовского в «Новом мире», особенно после XXII съезда партии, журнал становится прибежищем антисталинских сил в литературе, органом легальной оппозиции советской власти.

В своих последних произведениях, в поэме «За далью — даль», написанной на пике хрущевской «оттепели», как и в книге «Из лирики этих лет. 1959—1967», поэт размышляет о движении времени, долге художника, о жизни и смерти. В этих книгах наиболее ярко выразилась такая мировоззренческая сторона жизни и творчества Твардовского, как «державность». Во многом, подчеркнем, поэт находился под влиянием Солженицына, знал и читал произведения Шаламова, хотя и отказался их публиковать.

Виктор Еремин
(г. Тула)

ГОД 1834-й. ПОЖАР

Член Союза журналистов России. Окончил Тульский Государственный педагогический институт Л. Н. Толстого, филологическое отделение. Из 58 лет сознательной жизни 40 отдано журналистике. Работал в районной, многотиражной, областной прессе. В данный момент возглавляет областную общественно-политическую газету «Тульская правда». Лауреат областных литературных конкурсов. В «Приокских зорях» публикуется впервые.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. АВГУСТ, УТРО

...На Чернышевом* мосту Лунев, как всегда, замедлил шаг, достал из кармашка брегет (между прочим, великолепнейшей точности, купленный в позапрошлогодней поездке в Швейцарию), сверил время.

Министр внутренних дел граф Дмитрий Николаевич Блудов** не терпел неточности в любых проявлениях. Об опозданиях, само собой, и думать не следовало, но и прибытие ранее указанного часа также расценивалось им как небрежность. Эту черту характера своего начальника Александр Николаевич Лунев, состоящий при министре в должности чиновника для особых поручений, хорошо изучил и относился к ней с уважением. Необычным сегодня было то, что доставленное ему утром распоряжение предписывало явиться в зал Совета Министра, хотя, Лунев знал это доподлинно, никаких заседаний в нем в этот час не предполагалось.

Он еще раз уточнил время, полюбовался последним достижением человеческого гения и сотворенным им новинкой технического прогресса — катером, оснащенным паровой машиной, с уверенным пыхтеньем выползающим из-под моста, с небрежностью мнущим мелкие волны. Направился к огромному трехэтажному зданию министерства.

...Странность с указанным прибытием в зал Совета оказалась самой незначительной из последовавших в дальнейшем. Самая большая необычность, вплотную примыкающая к необъяснимости, заключалась в присутствии в нем шефа Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии*** Генерал-Адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа****.

* Мост через Фонтанку, построенный по проекту инженера Перрони, находился рядом с Министерством внутренних дел. В 1948 году переименован в «Ломоносовский».

** Граф Дмитрий Николаевич Блудов, тайный советник. Министр внутренних дел с 1832-го по 1839 год.

*** После попытки государственного переворота в декабре 1825 года Особая Канцелярия Министра Внутренних Дел Высочайшим Указом от 3 июля 1926 года была преобразована в Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Первоначальный ее штат состоял из 16 служащих.

**** Указом от 25 июня 1826 года была учреждена новая должность Шефа Жандармов, на которую был назначен А. Х. Бенкендорф, совмещивший ее через короткое время с должностью Управляющего Третьим Отделением.

Министр и Член Государственного Совета граф Блудов в одиночестве восседал во главе стола, обычно окруженного чиновниками, имеющими право за ним находиться, а сегодня лишь пустыми стульями, привычно сложив руки пониже, так, чтобы не закрыть ни один из многочисленных орденов. Бенкендорф прохаживался вдоль стен, рассматривая в округлых рамах портреты Великих Князей и выдающихся государственных деятелей Империи. Первые в композиции по три по сторонам в полный рост портрета Его Величества, прочие в одиночестве и по отдельности. Сановники друг на друга не обращали внимания. Появлению Лунева оба обрадовались.

— Господин Министр... Ваше Превосходительство...

Блудов, как всегда в таких случаях, достал часы, щелкнул крышкой. С удовольствием посмотрел на Лунева. Точность!

— Александр Николаевич, здравствуйте... Присаживайтесь... Вот сюда, по левую руку от меня... Александр Христофорович, прошу вас...

Бенкендорф перестал изучать изображения членов императорской фамилии, подошел к столу. На Лунева посмотрел внимательно и, показалось, с одобрением. Повернулся к министру...

— Лучше вы, Дмитрий Николаевич...

— Александр Николаевич, у нас для вас деликатнейшее поручение... Впрочем, скажите-ка мне, знаете ли вы о пожаре в Туле*?

— Да, ваше сиятельство. Более того, по вашему распоряжению участвовал непосредственно в организации подписки по сбору пожертвований в пользу погорельцев. Помилуйте, Дмитрий Николаевич, вся Россия о том пожаре прослышана!

— Да-да, голубчик, конечно, знаете. Как бы лучше объяснить вам суть дела...

Вмешался Бенкендорф.

— Суть поручения в следующем, господин статский советник. Есть мнение... Вернее, нельзя сказать, что оно есть, а есть некоторая неуверенность... Вернее, уверенность, но неполная...

Лунев, ощущая растерянность от непонимания происходящего, на высоких начальников не смотрел. Сидел, неудобно положив левую руку на какую-то резную финтифлюшку, украшавшую подлокотник полукресла, немигающе сверлил взглядом лежащий перед ним лист чистой писчей бумаги, безуспешно старался понять, почему оба могущественных государственных деятеля кажутся растерянными не менее его самого...

— Александр Николаевич,— пришел на помощь генерал-адъютанту министр.— Вы знаете, что пожар нанес огромный урон не только городу, но и оружейному заводу, в нем находящемуся. Оснований видеть в этом чей-то злой умысел нет, но хотелось бы иметь полную, обращаю ваше внимание, полную уверенность, что виновна в сей трагедии только стихия.

Граф перешел на официальный тон.

— Вам, господин статский советник, следует завтра же отбыть в город Тулу для выяснения обстоятельств произошедшего, поскольку дознание, проведенное военным министерством, хотя и принято Его Величеством, полного удовлетворения ему не дало...

Министр замолчал и взглянул на Бенкендорфа, самого, пожалуй, доверенного слугу государя во всей Империи.

Тот некоторое время молча, изучающе смотрел на Лунева. Потом заговорил.

— Вам, статский советник, незачем знать все подробности. Многие из них составляют высшие секреты государства. Говорю это для того, чтобы вы поняли важ-

* Страшный пожар, произошедший 29 июня 1834 года. По свидетельствам современников, уничтожил «лучшую половину города» и Оружейный завод.

ность и деликатность порученного вам дела. Цель поездки вашей будет неявной. В Тулу вы придете с ревизией расходов жертвенных сумм, собранных для погорельцев. Истинная цель вашей миссии будет известна лишь присутствующим здесь. Результатом ее должны быть два исхода — при малейших ваших сомнениях в город будут направлены лучшие полицейские сыщики с особыми полномочиями... или вы привезете нам полную и твердую уверенность, что величайший оружейный арсенал государства не является предметом покушения врагов России.

Бенкендорф замолчал.

Граф Блудов поднялся из кресла. На чиновника своего смотрел не «по-министерски», а доверительно, чуть ли не отечески.

— Идите, Александр Николаевич, исполните поручение. Я ведь, голубчик, потому вас для него и выбрал, что хорошо знаю. С Богом...

ТУЛА, СЕНТЯБРЬ

Тульских чиновников статский советник удивил откровенным пренебрежением к прямым своим служебным обязанностям. В вопросы вспомоществования погорельцам денежными суммами вникал невнимательно; доклады об обеспечении их жильем, провиантом, одеждой выслушивал, не уточняя подробностей. Подозрительно пренебрег разъяснениями касательно своевременности умелых и решительных действий губернских властей во время бедствия. Даже личную благодарность Тульского губернатора его превосходительства генерал-майора Елпифидора Антиоховича Зурова* относительно миллиона рублей, собранных питейными заведениями Санкт-Петербурга на восстановление Тулы, выслушал, хоть и с должным почтением, но как-то отстраненно, без приличной горделивости.

Местные чиновники, глядя на странное поведение чиновника для особых поручений министра внутренних дел, лишь понимающе и многозначительно кивали друг другу головой — столичная штучка, карьерист! И хитер, ох, хитер! Бумажки-то собирает, а и по городу ходит, сверяет, значит, прочитанное с увиденным!

Лунев суету вокруг себя, конечно, замечал, причины ее понимал, но играть ответную ему в ней роль не собирался. В первые дни пропадал в пунктах выдачи погорельцам питания, с пострадавшими был не заносчив, ласков; расспрашивал о пожаре, кто соседи, откуда огонь пришел. Иногда, пугая собеседника, записывал что-то в красивую книжечку.

На третий день отправился без сопровождения на выгоревшие улицы...

На рогоже, брошенной на черное обуголье, сидела грязная, одетая по-мещански старуха, смотрела на Лунева из-под набровье повязанного платка добрым ясным взглядом.

Он приостановился.

— А скажи-ка, любезная, эта улица как зовется... звалась?

Старуха улыбнулась и согласно покивала головой.

— Подождать надо, барин. Подождать... все и придут.

Лунев ответа не понял. Подумал, повторил вопрос. Старуха на этот раз ничего не ответила, молча смотрела на него по-прежнему ясно, лучисто.

За спиной послышалось шарканье, хриплое с присвистом дыхание. Лунев обернулся. Позади стоял старик, по виду — бродяга.

* Тульский губернатор с 23 ноября 1833 по 26 января 1839 года. Кавалер орденов Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст., Св. Владимира 2-й ст., сенатор.

— Ты ее, барин, не спрашивай. Не в себе она. Лукерьей звать. Тута вот и дом ее был. Тута и жила она с мужем, Никифором, деток четверо. Погодки. Младшему два, старшему шесть годков. Сама-т она в тот день спозаранка пошла в Зарецкую слободку, на край, водицы чистой набрать. Мою с собою звала, да моя поленилась... А тут все и случись... Волосья-т у нее пообгорели, все лезла детишек своих спасать. А кого уж было спасать-то? Там уж, поди, и косточки их всех с отцовскими, да с угольями перемешались... Вот с тех пор и сидит здесь, ждет, когда муж с детьми домой придут...

Лунев присмотрелся к старухе внимательней и увидел вдруг в ее глазах то, что сразу не примечалось — отсутствие разума, понимания окружающего. А может, мешала заметить это лучистая чистота ее взгляда, обращенного на весь мир.

Старик почувствовал его недоверие.

— Да нет, барин... Не старая она... Точно не скажу, а и тридцати годков ей нету. За месяц состарилась. Да и на меня не смотри... Я-то в тот день тож пошел за реку к Николке Мартьянову, кожу у него торговать, да вот такой прибыток и получил... Все мои, и дом мой, и мастерская вон там, барин, и остались,— старик показал на пепелище с развалившейся, черной от гари печью с обломившейся трубой.

...Печей на пепелищах — впереди, позади, по сторонам — было множество. Стояли они, как черные надгробья, как недолговечные памятники домам с бывшей в них счастливой ли, горестной ли, жизнью.

Лунев достал серебрянный рубль, подал старухе. Та его взяла, положила рядом с собой на рогажу.

— Ты, барин, лучше мне его дай,— сказал старик.— Я за Лукерьей вроде как присматриваю, чтоб поела, да не обидел кто. У меня-т тож никого не осталось. Не сомневайся, на себя не потрачу. ...Да и не долго ей, по всему, ждать осталось, сама скоро к своим придет.

Лунев повернулся, пошел прочь.

— А улица эта, барин, звалась Крестовоздвиженскою*,— сказал ему в спину старик.

Вечером, за чаем, рассказал об увиденном владельцу дома, в котором проживал постоем, купцу 3-й гильдии Луке Ивановичу Маликову.

Тот поставил на стол чашку (в начале собирался было, по привычке, из блюда прихлебывать, да дочь Глафира, тихой скромницей сидевшая в углу, на отца так зыркнула, что без слов стало понятно, в чем промашка), огладил бороду, согласно покивал головой.

— Знаю, о ком говорите, Александр Николаевич. Петр Федюнин это, сапожный мастер, и Лукерья Агафонова. Он поперву, как подкармливать-то ее начал, на двоих получить бесплатной еды не мог, не давали. Ко мне пришел с руганью. Разобрались — помогли. А так, господин статский советник ни-ни! Только в одни руки! Каждая копейка благотворительных денег на счету!

Лука Иванович столичного постояльца опасался и побаивался. Вроде, и причин тому нет, не врал он про копейки-то, а все равно, что-то как-то, а свербило! Как назначил его господин губернатор, его превосходительство исполнять обязанности главы тульской Думы, так жизнь, и без того хлопотная, еще беспокойней стала. Очень уж скандальное хозяйство оставил после себя Яков Иванович Бабаев**, его предшест-

* Сегодня — улица Революции.

** Глава городской Думы в 1833 году. Тульская казенная палата выявила при нем значительный перерасход установленного лимита денежных средств. Отстранен от должности приказом губернатора.

венник, отставленный за денежную нечистоплотность. Это пожар помешал, а так двадцать одну тысячу пятьсот девять рубликов* по сию пору искали бы!

— ...Так что, не сомневайтесь, господин статский советник, за каждую копейку в любой момент могу отчет дать.

Лунев только головой покачал. Хозяин дома был ему симпатичен не растроченной, несмотря на шестьдесят четыре года, деловой хваткой, рапорядительностью, усердием, с которым исполнял общественные обязанности. Не было сомнений, что горожанам в час бедствий с Маликовым повезло — сумел организовать бесплатное питание почти двух тысяч человек, денежную помощь погорельцам, размещение их на временное проживание в уцелевших домах**. По возвращении в Санкт-Петербург Лунев собирался отметить в рапорте министру заслуги старшего гласного Думы Маликова***, исполняющего обязанности ее главы. Но Лука Иванович, с трудом заставляющий себя называть Лунева просто по имени и отчеству, о симпатии и намерениях статского советника ничего не знал и продолжал относиться к нему так, как, по его мнению, следует относиться к высоким столичным визитерам — с настороженностью и ожиданием неприятностей.

— Александр Николаевич, сегодня подсчитали полный городской ущерб от двух**** пожаров. Я и опись с собой прихватил. Посмотреть желаете?

— С бумагами завтра в присутствии ознакомлюсь. А сейчас, Лука Иванович, назовите мне основное, в чем город пострадал?

— Имущественный урон, причиненный пожарами, таков... Уничтожены огнем тысяча двести тридцать четыре дома, одиннадцать церквей, семьдесят шесть лавок, три завода, четыре фабрики, двадцать питейных домов, старые торговые ряды, гимназия, гостиный двор, казенный оружейный завод. ...А в деньгах, Александр Николаевич,— Маликов запнулся от величины цифры, которую нужно произнести, — под четырнадцать миллионов рублей!

Сумма произвела впечатление и на Лунева. В Маликове же, видно было, купец 3-й гильдии пересилил главу городской Думы, и он намеревался подробно разъяснить значительному, но благородного сословия, а потому настоящую цену деньгам не знающему, гостю, что означают четырнадцать миллионов рублей для Тулы!

...Но помешал неожиданный визитер. По вечернему времени баба, приходящая днем для уборки и кулинарничания, давно ушла домой, так что входную дверь открыла Глафира и вернулась через несколько минут с господином средних лет, гладко выбритым, с умным взглядом, одетым во флотский мундир со знаками капитан-лейтенанта.

— Не сердитесь, Лука Иванович, за беспокойство,— обратился он к хозяину. Затем повернулся к Луневу.

— Позвольте представиться, инспектор Тульского Александровского кадетского корпуса Иван Федорович Афремов*****

К Маликову Иван Федорович пришел за теми самыми сведениями об общем городском ущербе, объяснив необходимость получения их в сей час невозможностью сделать это в дневное время.

* Книга расходов велась так небрежно, что понять, куда делись эти деньги, так и не удалось.

** При Думе был оперативно создан специальный комитет, занимающийся помощью пострадавшим.

*** Лука Иванович Маликов был удостоен «монаршего благоволения», а 22 июля 1835 года его имя было внесено в Книгу почетных граждан Тулы.

**** Второй, не менее разрушительный, пожар случился в Туле 5 сентября.

***** Иван Федорович Афремов, родился 15 августа 1794 года в селе Сальницы Белевского уезда, из служилых дворян. Выпускник Морского кадетского корпуса, командовал бригам. Выйдя в отставку, служил с 1828-го по 1834-й год инспектором Тульского кадетского корпуса, произведен в майоры. Автор множества исторических трудов; впервые составил «Историческое обозрение Тульской губернии», и ныне являющееся базовым для историков и краеведов.

— Вы же, Лука Иванович, в присутствии долго не бываете. А в другом месте вас встретишь, у вас с собой нужных бумаг не окажется. Так что, не сердитесь и не обесчудьте... Сами знаете, не из праздности любопытничаю...

Маликов махнул рукой, протянул гостю документ. ...Устал Лука Иванович за день, наполненный людскими горем и страданием; побыл за столом еще немного, а затем извинился, велел Глаше смотреть, чтобы гости довольны были, да и пошел к себе, отдыхать. Лунев с Афремовым к этому времени о хозяине, по правде говоря, несколько подзабыли, увлеклись беседой.

Иван Федорович оказался личностью прелюбопытной. Очень скоро признался Луневу, что причиной сегодняшнего его визита не одни лишь сведения из первых рук, а и персона самого статского советника. «Вы, Александр Николаевич, человек образованный, просвещенный, обретаетесь в самых чертогах власти. Не мог, никак не мог я не попытаться внимание такого человека к трудам своим привлечь». Тут же пояснил насторожившемуся было Луневу, что речь идет не о чинах, наградах и деньгах, а о содействии в издании близкой к завершению исторической рукописи о Туле и Тульской губернии. «Невосполнимой потерей будет для поколений, проживающих в будущем на тульской земле, утрата знаний о родном крае. Потомки обязаны знать, как и чем жили их предки, о делах их и свершениях, достойных гордости и признания».

О Туле Афремов рассказывал с восхищением и любовью. ...Неизвестно, как долго продолжалась бы их беседа, но о времени невольно напомнила Глаша, придремавшая под ученый разговор — уронила голову на грудь, спросонок встрепенулась, привлекла внимание. Условились завтра пройти по пути распространения пожара, распрощались...

Большую часть дня занял визит к военному губернатору Тулы, командиру оружейного завода генерал-лейтенанту Штадену*. Проживал он временно в своем имении, поскольку дом его при заводе пожар также не пощадил. Встреча эта оставила в сердце Лунева тяжелый, угнетающий душу осадок. Евстафий Евстафиевич казался тяжело больным и не желающим выздоравливать человеком.

На осторожные вопросы Лунева, прямо касающиеся уничтожения завода, отвечал невпопад или просто отмалчивался. Но видно было, что происходит это не от скрытности, не от стремления утаить что-либо, а лишь по причине сильнеешего душевного расстройствa, как бывает у людей, переживших огромную личную трагедию и боящихся вспомнить любую ее подробность.

— Вы, статский советник, человек для завода посторонний, вам случившееся понять трудно,— сказал он перед прощанием.— Не карьера, не чины меня заботят, они лишь часть жизни моей. А вся жизнь была — оружейный завод! А сейчас, Александр Николаевич, его нет! Да и ладно бы — жизнь! Мне, русскому генералу, жизнь для блага Отечества отдать — почет и Божья милость! Так ведь, не для блага получилось-то, а для урона! Завод восстановить можно, честь — нельзя!

...Не было вины на генерал-лейтенанте Штадене, и чины Военного министерства, проводившие дознание, это признали. Так уж случилось, что незадолго перед бедою

* Евстафий Евстафиевич Штаден, потомственный дворянин. Начал службу в 1793 году прапорщиком артиллерии. За доблесть, проявленную в боях с французами в Отечественной войне 1812 года, награжден боевыми орденами. С 20 апреля 1817 года командир Тульского оружейного завода, с 7 апреля 1824 года одновременно генерал-инспектор всех оружейных заводов Империи, тогда же добился перевода генеральной инспекции из столицы в Тулу. С 1826 года — генерал-лейтенант. После пожара, уничтожившего завод, тяжело болел и ушел в отставку со всех занимаемых постов. Вернулся на службу лишь в 1838 году генерал-инспектором оружейных заводов. Награжден многими орденами, в том числе высшими знаками отличия Империи — орденом Белого Орла и орденом Александра Невского. Закончил службу в чине генерала артиллерии. Умер 5 февраля 1845 года, похоронен в Туле на Чулковском кладбище.

приобрел он имение верстах в двадцати пяти от Тулы и в день пожара пригласил туда все заводское начальство отпраздновать покупку. И когда полыхнуло в городе, а затем и на заводе, оставались в нем только незначительные служащие, к большой ответственности непривычные, к решительным действиям неспособные. Не в чем было винить себя Евстафию Евстафиевичу... А винил! Знал бы, так имение это свое проклятое в день покупки своими руками бы спалил, лишь бы завод цел остался! Не уберег завод, не уберег... Этой мыслью и болел генерал. ...И не было лекарства от этой болезни.

Штаден по-старчески тяжело поднялся со стула, давая понять столичному гостю, что беседа завершена.

— Честь имею, господин статский советник. Завод вам, то, что от него осталось, если любопытствуете, покажет директор искусственной части подполковник Радожницкий*...

Фамилия Луневу была знакома. Вчера, рассказывая о тушении пожара на оружейном заводе, упоминал ее с уважением Афремов. Подполковник был единственным из заводских начальников, присутствующим в этот день в цехах.

Сейчас, правда, выслушивая его короткие, неохотные ответы на вопросы, глядя на вялую походку и, вроде бы, даже утратившую бравую выправку фигуру, трудно было представить, что именно он, как рассказывал Афремов, «при ужасном пожаре этом, оставив собственное семейство свое на произвол судьбы, сам как ветеран, закаленный в боях, не щадил себя в яростном пламени и имел счастье спасти сказанные** здания оружейного завода, чему был я личным свидетелем и, вывезя за город семейство мое, поспешил вывезти из квартиры жену его, оставшуюся без всякой помощи»***. Ясно было, что огонь уничтожил не только цеха и мастерские, но и смысл жизни людей, посвятивших себя оружейному делу.

Подошел Афремов, уважительно поздоровался с Радожницким, вежливо раскланялся со статским советником.

— Давайте отсюда и начнем, Александр Николаевич. Илья Тимофеевич, не желаете присоединиться?

Радожницкий отказался. Для него пожар здесь начался, здесь и закончился. Ничего больше о нем он слышать не хотел.

Они стояли на берегу Упы; за спиной их, на другой стороне реки, лежала нетронутая пожаром часть города — Чулковская и Зарецкая слободы, заселенные оружейниками. Перед ними простиралось пепелище.

— Эта улица называлась Пятницкая****, — сказал Афремов, — с нее огонь на завод и перекинулся. В третьем часу пылали уже все заводские постройки. Пойдемте, Александр Николаевич, по пути продвижения пламени.

— Это было очень страшно. Дул сильный юго-западный ветер, иногда меняя направление, — говорил Афремов. — Дома загорались не поочередно, а сразу по несколько. Люди кричали, их голоса заглушал рев пламени. Много народу погибло. У них не было возможности спастись, вокруг их домов уже не было пространства, не охваченного огнем.

Они шли по пепелищу.

— Это была улица Томилинская*****, — говорил Афремов, — сейчас мы выйдем

* Подполковник (в дальнейшем генерал-майор) Илья Тимофеевич Радожницкий, директор искусственной части оружейного завода с 1833 года. Автор «Записок артиллериста» о войне 1812 года.

** Оружейное правление, корпус паровой машины, дом заводской полиции.

*** Цитата из «Исторического обозрения Тульской губернии» И.Ф. Афремова.

**** Сегодня улица Металлистов.

***** Красноармейский проспект.

на улицу Крестовоздвиженскую*. Там, дальше — Калужская**, правее — Нижнедворянская***, Съезженская**** и Георгиевская***** ...

Они шли по пепелищу. Названия — были, улиц — не было.

— Откуда начался пожар, установить уже невозможно, — говорил Афремов. — Пламя создавало собственные воздушные потоки, его распространяющие, и определить первое место загорания нельзя. Да и не к чему... О другом следует думать... О тех, кто остался без крова и малейшего имущества. Одной Думе с этим не справиться. Этот пожар беда всего города и справиться с ней может только он, весь город...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. СЕНТЯБРЬ, УТРО

— ...Таким образом, ваше сиятельство, можно с полной и твердой уверенностью сказать, что попытки искусственным способом уничтожить Тульский оружейный завод не было. Виновна в сей трагедии лишь стихия. Не в человеческих возможностях угадать или предвидеть длительность и постоянство направления ветра, распространяющего пожар.

Министр Блудов и генерал-адъютант Бенкендорф слушали доклад внимательно, не перебивая. Остались довольны или нет, понять было невозможно. Лунев закончил говорить, молча стоял перед сановниками.

Тишину нарушил министр.

— Доклад ваш принимаю, Александр Николаевич, — Блудов взглянул на Бенкендорфа. Тот согласно наклонил голову. — Идите, статский советник...

На Чернышевском мосту Лунев по привычке достал было брегет, не раскрывая, подержал на ладони, убрал обратно. Обернулся, посмотрел на здание министерства, другие дома на набережной; представил на их месте пепелища. Поежился. ...И прогнал эти мысли прочь.

...Тула справилась с последствиями огненной беды. Отзвучали молебны в храмах, завершились поминовения, и город, спрятав боль и страдание, начал восставать из пепла. Заново отстраивались дома, заводы, фабрики, оживала торговля. Но уроки из случившегося были извлечены...

Десять лет спустя, в 1844-м году «В г. Туле 5 сего мая в 3 часа пополудни во время сильной бури и жара, ...в самой середине города, в заду гостинного двора, загорелся внезапно сарай, на дворе мещанки Воротниковой, так сильно, что не успели вывести из онаго 3-х лошадей и спасти два экипажа. Огонь мгновенно распространился на соседственные постройки и угрожал опасностью всему городу. Жители, напуганные бывшими здесь прежде несчастными случаями, были приведены в страх и многие из них выбирались из своих домов. Прибывшие на место пожара, при самом начале появления огня, пожарные команды, как городская, так и заводская неустрашимыми своими действиями старались остановить дальнейшее распространение огня, на другие дома... Пожар был чрезвычайно силен и здания горели в пяти местах, вдруг между тремя улицами... огонь же начал уменьшаться к 5 часам.

Г. Военный губернатор считает долгом объявить совершенную свою благодарность Гг. Полицейстерам: Городскому... и Заводскому..., всем частным Приставам и Квартальным Надзирателям, за столь отличные действия; Командиру здешнаго Гар-

* Улица Революции.

** Улица Демонстрации.

*** Улица Пушкинская.

**** Улица Пушкинская.

***** Улица Бр. Жабровых.

низонного Баталиона... Гг. Офицерам онаго, равно Начальнику Жандармсой команды..., за содержание порядка при пожаре; жителям участвовавшим в прекращении огня, а так же и пожарным командам за неустрашимые их действия в утушении пожара. «Тульские губернские ведомости. № 19 от 12 мая 1844 года».

17 июля 1835 года была высочайше назначена комиссия о построении нового каменного Тульского оружейного завода под председательством артиллерии генерал-лейтенанта Николая Степановича Вельяминова. Но гордость и знания тульских мастеров заявили о себе задолго до монаршего решения. Заводской механик Павел Дмитриевич Захаво сумел исправить паровую машину (спасенную подполковником Радожницким), к которой были «приспособлены 50 станков для внутренней и наружной отделки оружейных стволов», «устроены им же гидравлические машины для точения и полировки штыков и шомполов». «После восьмимесячного бездействия вовсе погибшего завода, в 1-й день марта 1835 года, Захаво пустил в ход бердовскую паровую машину», и уже год спустя тульские оружейники поставили государству более 35 тысяч ружей.

...Страшная трагедия не сломала наш город, не замкнула его на себе, не ввела в упадок и прозябание. Огонь уничтожил полгорода, но не смог уничтожить мастерство и твердость туляков. ...Как не мог сделать этого никто, ничто и никогда.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ВТОРАЯ РОДИНА МОЯ

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России.

*«Когда ж постранствуешь, воротисься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен».*

А. С. Грибоедов

Говорят, для того, кто не знает,— все возможно. Так и я, готовясь к поездке в Черногорию на презентацию моего романа «Ближняя дача», переведенного на сербский язык, думал, что все знаю об этой стране и вряд ли увижу что-то новое.

Но, оказалось, я сильно ошибался. Уже на подлете к столице страны — городу Подгорице, застрявшему на небольшом плато среди гор, взор с борта самолета поразили красота и мощь природы, ее окружавшей. Казалось, Господь Бог специально создал этот благословенный край, чтобы человек понял, как он слаб и беспомощен перед стихией его созданий. Мощная, непрерывная цепь гор, покрытых снегом, перемежалась с бесконечными грядами возвышенностей, покрытых зеленой растительностью. И была в этом величии неповторимого творения Божьего такая захватывающая дух сила, что невольно становилось ясно: ты, возмнивший себя творцом природы человек,— просто песчинка, которую в любой миг могут закрутить и унести в небытие эти несказанные мощь и красота.

Похожее чувство охватывало меня раньше всего один раз: на вершине легендарной горы Синайского полуострова, где пророк Моисей встречался с Богом и получил от него в наказ людям Десять заповедей. Там так же, сколько охватывал взгляд, простиралась гряда чудовищно мощных, неповторимых в своей своеобразной красоте, гор-валунов, которых нет больше нигде в мире и которые как бы говорили: это могло быть творением только неземной силы.

Но в Черногории к красоте гор добавлялось еще одно: удивительное дружелюбие и гостеприимство людей, населяющих эту маленькую свободолюбивую страну на берегу теплого Адриатического моря. Особенно к русскому человеку, что неудивительно, потому что наши страны связывает многовековая дружба. Незримую эту связь я замечал на каждом шагу. В схожести языков: добре, разумею, писец (то есть, писатель). В том, что страной 53 года правил король Николай Первый (вспомним наших царей Николаев). В том, что и Черногория не избежала своего Лжедмитрия — семь лет страной правил Шчепан Мали, что в переводе означает Ложный король,

которого считали русским шпионом. До недавнего времени главная улица столицы гордо именовалась «Бульвар Ленина». И только недавно сменила это название на «Бульвар Святого Петра Щетиньского».

Ну, а сегодня наши связи и вовсе окрепли: русские буквально скупают красивейшее и сравнительно недорогое морское побережье Черногории, так что встретить соотечественника вблизи моря вовсе не проблема.

И потому чувствовал я себя в далеком зарубежье почти как дома. Тем более, что оснований к этому было предостаточно. В день моего прилета государственное телевидение и газеты сообщили, что на презентацию своей книги «Ближняя дача», переведенной на сербский язык, приехал известный русский писатель Валерий Маслов. В центральной черногорской газете «Вести» была напечатана статья под интригующим названием: «Прича рускиње писца Валериј Маслова» («Притча русского писателя Валерия Маслова»).

Ведущий литературный критик страны Богик Ракоцевич сделал обстоятельный анализ моей «Ближней дачи», а два канала государственного телевидения показали интервью со мной. На презентации книги в столице, организованной Культурно-информационным центром правительства Черногории, присутствовала не только широкая литературная общественность, но и посол России, официальные лица республики. Так что оснований возгордиться собой у провинциального тульского писателя было больше, чем достаточно. Тем более что, как говаривал Марк Твен «Меня хвалили великое множество раз, и я всегда смущался: я каждый раз чувствовал, что можно было сказать больше».

А уж когда машину, в которой ехали переводчик и я, остановил полицейский, но тут же, со словами, «А я видел вас по телевидению», отпустил, возгордиться у меня стало оснований еще больше. Но, чем дольше я находился в этой гостеприимной стране, чем чаще общался с ее удивительно добрыми и сердечными людьми, тем яснее понимал, что весь этот царский прием, все дружелюбие и гостеприимство, надо относить на счет моей великой родины. Именно Россия на протяжении многих веков никогда не оставляла маленький свободолюбивый народ Черногории без помощи и поддержки.

И, когда в старинном городе Плевля, на презентации моей книги зазвучали русские песни, школьники стали читать стихи Пушкина и Есенина, когда меня встретила надпись на русском языке «Добро пожаловать!», — я уже не обманывался. Все это было проявлением дани уважения к русскому народу, который в тот момент я представлял.

Потому уже не удивлялся, что градоначальник Плевли устроил грандиозный банкет на двести человек, где присутствовал цвет интеллигенции города и, особенно, именно те люди, которые знают русский язык, кто учит ему черногорских детей. Тому, что, когда на банкете зазвучала родная «Катюша», и я вышел в зал танцевать, прозвенел гром аплодисментов. Все это было проявлением той же любви к нашей стране, которой здесь пропитан буквально каждый человек.

К сожалению, Россия сейчас ничего не делает, чтобы поднимать свой престиж в этой стране. Если раньше русский язык изучали здесь в каждой школе, то теперь место великого и могучего занял английский. Вместо кириллицы везде появились надписи на чуждой этой православной стране латинице. Потому и мой роман «Ближняя дача», хоть и был переведен на сербский язык, но напечатан в старейшем сербском издательстве «Обод» на той же латинице. Страна стремительно рвется в объятия Запада, страшно хочет вступить в Евросоюз. И уже появились люди, которые не чтут даже национальные святыни. Гуляя по парку в двух шагах от президентского дворца, я наткнулся на величественный памятник в бронзе самого почитаемого поэта Черно-

гории — Петра Негоша. Но его постамент был обезображен разбитой бутылкой, а сбоку на постаменте кто-то крупно написал черной краской: «Варвар!».

Разве творец бессмертного «Горного венка», прославившего культуру черногорского народа и принесшего ему мировую известность, заслужил такую негативную оценку? Да и полицейским, бдительно охранявшим резиденцию президента и даже запретившим мне фото на ее фоне, не мешало бы обращать внимание на то, что творят с памятником величайшему соотечественнику настоящие варвары в ста метрах от резиденции главы государства.

Но главную и непреходящую в веках оценку прекрасной Черногории, ее гордому, свободолюбивому народу, дают не такие безмозглые варвары, что портят краской национальные святыни. Великий русский поэт А. С. Пушкин, восхищаясь непокорностью маленького народа чужеземцам, так написал об этой удивительной стране:

*Черногорцы — что ж такое? —
Бонапарт провозгласил.
Правда ль, это племя злое
Не боится моих сил?*

Когда побываешь в этой красивейшей стране, проникнешься ее духом, поближе узнаешь удивительно добрых людей, невольно сам начинаешь сочинять стихи. Я не поэт, но эти строки так и рвались из моей груди, когда, с вершины горы осматривал неземной красоты бухты и фьорды курорта Улцинь, из которого так не хотелось уезжать:

Красива и безгранична Черногория-страна.

Хочу, чтобы жила ты вечно, — вторая Родина моя!

Но и о первой своей родине — Туле, я также не забывал в далеком зарубежье. Я искренне гордился, когда слова «город Тула» звучали на моих презентациях, печатались в газетах, их произносили мои новые друзья, писатели и государственные деятели Черногории. Теперь и они знали о таком русском городе, расспрашивали о его людях и особенностях. Особенно меня обрадовало, что мой новый друг — профессор, ответственный работник министерства просвещения и наук, известный переводчик русских книг на сербский язык Владо Ашанин на каждой презентации книги рассказывал о прекрасном подарке из города Тулы — пятикилограммовом тульском прянике.

Надо заметить, что Владо — очень жизнерадостный, веселый человек, отец троих достигших высокого положения в обществе детей. И прекрасный знаток русской литературы. Его стараниями на сербский язык переведены «Пушкинский календарь», монография о последних днях жизни русского императора Николая Второго, стихи наших известных поэтов. И когда он взялся за перевод моей книги, попросил на это авторское согласие, я был польщен и удивлен. Но Владо мой исторический роман о Сталине и президенте современной России так понравился, что он отыскал меня даже во время отпуска на Черноморском побережье Кавказа. Поэтому, когда на презентации моей книги посол России Андрей Ермоленко сказал, что читал и другую мою книгу — «Мафия бессмертна», я уже ничему не удивлялся.

А прекрасная Черногория продолжала удивлять. Когда я улетал из Москвы, было минус два градуса, а прилетел в Подгорицу — плюс двадцать, зелень и пальмы. Но, если в столице была привычная для крупных городов России суета, то в горной местности, на прекрасных автострадах, подчас не встретишь ни одной машины. Здесь также как у нас, молодежь покидает родные пенаты и не хочет жить в деревнях и селах. Если в провинциальной Плевле еще танцуют национальные танцы, то в столи-

це господствует западная музыка. Если в старинном городке при встречах все обнимаются и целуются, то в Подгорице в общении присутствует совсем иной строгий деловой стиль.

И все-таки — это совершенно другая страна. Даже в столице работа заканчивается в четыре часа вечера, а дальше наступает благостный отдых. В десятках уютных кафешек под открытым небом, за столиками прямо на тротуарах люди неторопливо пьют ракию и кофе, обсуждают новости своей неторопливой жизни. Может быть, именно такое место и есть тот «рай», в котором Господь Бог изначально поселил Адама и Еву? Не знаю. Но именно в этих местах сбываются желания. Видимо, не случайно, моя случайная соседка по самолету, летевшему из Подгорицы, именно в Черногории нашла своего верного, красивого, гордого возлюбленного. А для меня эта беседа стала находкой: там, в этом самолете, родились сюжет и герои моего нового романа «Любовь не имеет названия».

Поистине, такая страна должна быть любима самим Господом Богом. Ибо сказано им: «Без меня не сможете сделать ничего». Здесь же, видимо, почти каждый смертный получает свою толику счастья. Возможно, поэтому я, в порыве нахлынувших эмоций, назвал черногорским друзьям этот благодатный край своей второй родиной.

Но всего лишь один маленький эпизод изрядно остудил мои восторги. После него как-то само собой расхотелось считать новой родиной чужую страну.

Вспомнил, как в далекие советские годы впервые попал в казавшуюся тогда желанной заграницей Турцию. Наш туристский теплоход медленно подкатывал к пристани в Стамбуле. Известный мне по книгам и фильмам экзотический город манил соблазнами Востока. Хотелось скорее очутиться на берегу, чтобы наяву увидеть райскую жизнь, полную достатка и приключений, которую я представлял.

Однако первой, с кем мы столкнулись после выхода с трапа теплохода, была толпа незнакомых людей, говорящих по-русски. Они окружили нас, советских туристов, и засыпали вопросами. Как же им хотелось хоть таким образом прикоснуться к своей бывшей родине — России!

И вот уже в двадцать первом веке, во времена всеобщей доступности и мобильной связи, в православной стране с прекрасным теплым климатом и дружелюбным народом, после презентации книги, ко мне подходит человек и начинает также жадно и страстно, как когда-то делали это несчастные русские в Стамбуле, расспрашивать о жизни в России. Ему очень хотелось все услышать из первых уст, от «настоящего» русского, который только что прилетел оттуда, с его, теперь уже навсегда потерянной родины.

— Разве, ты не можешь вернуться? — недоуменно спросил я. — Три часа лета, никаких виз, и ты дома!

— Ты не знаешь, как все тебя опутывает в другой стране! — воскликнул незнакомец. — Дети, новый дом и машина, купленные в кредит, работа — да мало ли что!?

И тогда я вспомнил своих знакомых, уехавших из Тулы за хорошей жизнью в другие страны. Талантливого менеджера Вадима, обосновавшегося в Израиле, получившего там работу грузчика и два инфаркта, который чуть ли не каждый день посылает знакомым в Тулу «эсемески» (из экономии) и письма по бесплатной электронной почте.

Гениального, высокооплачиваемого управленца одного из тульских оборонных заводов Александра, который обосновался в Испании, торгует там обувью, и теперь с тоской вспоминает о своей родине, надоедая тульским друзьям телефонными звонками.

Супер-программиста Михаила, ставшего в США сборщиком перегоревших лам-

почек, и вернувшегося оттуда после года неудачных попыток найти хоть какую-нибудь работу, соответствующую его квалификации.

Все они, конечно, теперь поняли, что Родина может быть только одна. Это почувствовал и я, когда возвратился домой из Черногории. Прекрасные слова — «дом, домой, у себя дома», многое объяснят тому, кто знает им цену. Пусть еще древний Аристофан утверждал: «Где хорошо, там и родина». Нет, Родина, Россия, отчий дом — это как воздух: его не замечаешь, но без него не можешь. И потому, следуя известному завету Господа нашего Иисуса Христа: «Что пользы тебе, если приобретешь весь мир, а душу свою потеряешь?», надо помнить и понимать: потерю родины, места, где родился и вырос, страны, к которой прирос корнями, можно сравнить лишь с подобной потерей души.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ — СЫН ШТАБ-ЛЕКАРЯ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Принято считать, что место рождения и детство во многом определяют характер, а нередко и судьбу человека. Кажется, это можно отнести и к великому русскому писателю. Для меня, как врача, и, думаю, для читателей и почитателей Федора Михайловича будет небезынтересно узнать, что он родился в семье врача.

Дед писателя был священник. Его сын Михаил нарушил давнюю семейную традицию, послушался отца, настаивавшего на духовном поприще, и стал врачом. Он поступил в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге и по окончании ее в качестве лекаря участвовал в Отечественной войне 1812 г. Затем последовали годы службы в полковых гарнизонах в чине штаб-лекаря, и в марте 1821 г. он определился на вакантную должность в московскую Мариинскую больницу для бедных. В этом же году в октябре (по старому стилю) в семье штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского родился сын, названный в честь деда по матери — дочери московского купца Марии Федоровны Нечаевой — Федором.

Мало того, что будущий писатель, певец униженных и оскорбленных, родился и первые 16 лет прожил во флигеле больницы для бедных, располагалось это учреждение на улице с многозначительным названием Новая Божедомка. Так была названа эта улица, потому что на ней располагался Божий дом. Это весьма примечательные заведения, возникновение которых на Руси относится к концу XVII века. В эти дома, а их было несколько в Москве, свозили бездомных нищих, умиравших в зимнее время на улице без предсмертного покаяния и исповеди — от переохлаждения, рук разбойников... Зимой их не хоронили — земля была твердой, промерзлой. После Пасхи к Божиим домам съезжались благочестивые москвичи, принимали участие в похоронах несчастных; привозили гробы, саваны, прочие похоронные принадлежности. Приезжали священники, отпевали покойных. Хоронили за счет благотворителей. Как свидетельствуют исторические источники, в погребеньях участвовали русские цари. Улица, на которой стоял Божий дом, стала называться Новой Божедомкой. Повидимому потому что был этот Божий дом не первый в Москве.

Мариинская больница была построена в 1806 г. по проекту знаменитого архитектора Д. Жилярди. Флигель, в котором жил штаб-лекарь с семьей, представлял собой одноэтажный дом (позже стал двухэтажным и вырос в длину). В нем было всего две комнаты и передняя. Его окружал сад, решеткой отделенный от большого больничного парка, сохранившегося до сих пор. Входить на территорию парка детям штаб-лекаря было строжайше запрещено из-за риска подцепить заразные болезни, которыми страдали Божии люди.

По мнению члена Французской академии Анри Труайя, у главы семейства был тяжелый характер. По его воле дети жили замкнуто, изолированно, росли отгороженными от всякого контакта с внешним миром, без общения со сверстниками. Супруги Достоевские у себя почти никого не принимали. Играть с чужими детьми запрещалось. Как считает французский автор, под влиянием многочисленных запретов и нотаций у Федора «развились боязнь общества, чрезмерная обидчивость, жгучие сомнения, от которых он страдал до самой смерти».

Однако сохранились воспоминания о том, что мальчик проявлял интерес к жизни больных, от которых его отделяла решетка больничного парка. Несмотря на строгий запрет, он любил заводить знакомства с ними, когда они прогуливались в парке.

Анри Труайя пишет о нелюбви сына к отцу. Считает, что неспроста Федор Михайлович вкладывает в уста Ивана Карамазова слова: «Кто не желает смерти отца?».

Скучную, бедную яркими впечатлениями жизнь во флигеле Мариинской больницы скрасила летом 1831 г. поездка в имение Даровое, купленное бережливым Михаилом Андреевичем. Все лето, проведенное без отца, оставшегося работать в больнице, стало светлым событием в жизни подростка. Маленькое имение и окружающая его природа представлялись детям — Мише, старшему из сыновей, Феде и младшему, Андрею — сказочным миром, где можно было предаваться веселым играм и шалостям, недоступным дома в Москве.

Учился грамоте будущий писатель по книге «Сто четыре истории Ветхого и Нового Завета». Когда он выучился читать, Михаил Андреевич пригласил для изучения Закона Божия дьякона из располагавшегося поблизости Екатерининского института. Французскому учил француз Сушар, а латынь преподавал сыну сам штаб-лекарь.

В 1937 г. умирает мать будущего писателя. Характер овдовевшего Михаила Андреевича стал еще более тяжелым, он стал тяготиться семьей, сыновьями. Подросших Михаила и Федора определил в Училище гражданских инженеров, о чем Федор Михайлович будет сожалеть всю жизнь. Отец Иоанн, священник Мариинской больницы, отслужил напутственный молебен, и Достоевский навсегда покинул флигель Мариинской больницы. А их отец навсегда покинул Москву, переселился в Даровое, где умер при загадочных обстоятельствах.

Как вспоминает доктор С. Яновский, друг Достоевского, «Федора Михайловича именно в детстве постигло то мрачное и тяжелое, что никогда не проходит безнаказанно и в годах зрелого возраста и что кладет в человеке складку того характера, который ведет к нервным болезням, а следовательно, и падучей, и к той угрюмости, скрытности и подозрительности».

На основе собранных вдовой писателя Анной Григорьевной материала в 1928 г. во флигеле, где родился писатель, был открыт музей-квартира. В музее были представлены рукописи и документы Федора Михайловича, а также некоторые предметы обстановки, присланные из дома в Люблине, где в 1861 г. писатель жил у своей сестры и работал над романом «Преступление и наказание».

Памятник писателю был создан в 1914 г. скульптором С. Меркуловым. При работе над ним ему позировал ни кто иной, как Александр Вертинский, поэт и популярнейший певец, друг скульптора. Первая мировая война помешала открытию памятника. Он был установлен на Цветном бульваре в 1918 г. В 1936 г. в связи с реконструкцией Москвы памятник перенесли и установили во дворе флигеля. В здании Мариинской больницы теперь НИИ фтизио-пульмонологии 1-го ММУ им. И. М. Сеченова. В бывшей больнице для бедных и теперь лечат людей тоже не весьма благополучных, а Новая Божедомка теперь носит имя великого писателя — улица Достоевского.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ХОРОШЕЕ И ДОБРОЕ НЕ ПРОХОДИТ БЕССЛЕДНО

Лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова

Должен вам честно признаться, я детскую телепередачу «Спокойной ночи малыши» не смотрю. Не потому что она неинтересна, отнюдь, а потому что некогда, да и возраст к тому же. А тут пришлось мне как-то сидеть с двухлетней внучкой, которая в отличие от меня «Спокойной ночи малыши» любит и смотрит с удовольствием. Я включил ей эту замечательную телепередачу, а сам стал заниматься своими делами. После узнаваемых и ставших родными не одному поколению россиян музыкальных позывных этой передачи, начался мультфильм о Лунтике. Мультяшными персонажами были пчелки дедушка Шер и бабушка Капа. Услышав такие имена, я отложил свои дела и с любопытством стал вглядываться в телеэкран. «Надо же какое совпадение — Шер и Капа, нарочно не придумаешь», — подумал я, вспомнив замечательных людей, живших в нашем

городе Щекино — Бориса Константиновича Шера и его жену Капитолину Ивановну. Бориса Константиновича, к сожалению, с нами нет уже десять лет, а вот Капитолина Ивановна, слава Богу, здравствует, только живет она теперь в другом городе.

Борис Константинович Шер знаком многим щекинцам, особенно людям старшего поколения, как художественный руководитель Дома культуры «Химик» в поселке Первомайский. Еще больше Борис Константинович знаменит тем, что в начале шестидесятых годов теперь уже прошлого века создал при ДК вначале народный театр ТЭМП, расшифовывался как театр эстрадных миниатюр Первомайского, а затем киностудию «Проба», в полном варианте это означает — производственное объединение «Азот». Знаменитый создатель детского юмористического киножурнала «Ералаш» Борис Юрьевич Грачевский свой первый фильм выпустил в 1974 году, а наш Борис Константинович Шер еще в сентябре 1966 года по своему собственному написанному сценарию снял детский малометражный юмористический игровой фильм «В первый раз в первый класс». Восьмого сентября того же года фильм был смонтирован, и этот день принято официально считать началом творческого пути киностудии «Проба». Второй фильм назывался «Дети подземелья». Этот фильм был признан победителем на пятом Всероссийском кинофестивале любительских фильмов, посвя-

ценных памятникам истории и культуры, проходившем в городе Перми в июле 1972 года. А уже спустя пять лет третий игровой фильм Бориса Константиновича под названием «Опять двойка», на конкурсе любительских фильмов, проходившем в Венгрии, получил два приза первой степени и один приз второй степени. Фильм имел грандиозный успех в международном масштабе. Кстати сказать, на конкурс в Венгрию был приглашен лично Борис Константинович, но в министерстве культуры СССР решили, что в Будапешт должен ехать чиновник от минкульта. Такие были времена.

Все эти фильмы Борис Константинович снимал в школе поселка Первомайский и в Щекинской шестой школе, где в то время работала учителем и привносила доброе, разумное и вечное в детские умы и души его жена Капитолина Ивановна. Ее ученики и стали первыми артистами, снявшимися в фильмах у Бориса Константиновича, хотя, если быть более объективным, первым артистом, вернее артисткой, у режиссера

Шера, конечно же, была Капитолина Ивановна. Работая директором Вельского Дома культуры Архангельской области, влюбился он в участницу художественной самодеятельности, энергичную и жизнерадостную комсомолку — его избранница работала вторым секретарем районного комитета комсомола, спортсменку и просто красавицу Капитолину Шарову. Чем не сюжет для романа или фильма?! Но сейчас не о том, сейчас не о творчестве, сейчас о главном — о любви. Капитолина ответила взаимностью, да и кто бы сомневался?! Ведь перед девушкой во всей своей красе предстал не только директор Дома культуры и руководитель художественной самодеятельности, но и видный военный, молодой отставной офицер — лейтенант, да к тому же еще и прекрасный фотограф. Только сейчас он в руках держал не фотоаппарат, а большой букет цветов. В общем, сыграли свадьбу и зажили счастливой семейной жизнью. Вскоре у молодых родилась дочь — Елена, а после ее рождения уехали они из Архангельской области в Тульские края. Вначале жили в городе Советске, а затем в шестидесятых годах переехали в город Щекино, где в основном и проявились огромные творческие способности Бориса Константиновича.

Борис Константинович Шер родился 31 декабря 1926 года в городе Харькове в семье типографского служащего. Его отец Константин Григорьевич в силу специфики своей работы часто уезжал в длительные командировки, забирая с собой и семью. По несколько месяцев жили в различных регионах страны. Приходилось снимать квартиру в Сибири, временно занимать казенную жилплощадь на Урале, обустроить свой быт в Средней Азии. Бывало такое: только обживутся они на новом месте, только подружатся с соседями, только создаст домашний уют мама Бориса Константиновича Мария Александровна, как приходит приказ убыть к новому месту назначения. Нередко школьник Борис Шер учебный год начинал в одном городе, а заканчивал его в другом. Начавшаяся война застала семью Шер в Казани, но вскоре они переехали в Архангельскую область, где прожили долгое время. Заканчивать школу Борису Константиновичу пришлось в городе Вельске Архангельской области. Выпускники военных лет ничем не отличались от выпускников другого времени. Так же мечтали о взрослой жизни, о большой и светлой любви, о красивых и модных наря-

дах. Мальчишкам повезло меньше. Вместо красивых костюмов им вскоре пришлось надеть солдатские гимнастерки и встать в строй. Бориса Константиновича направили служить на Дальний Восток, где в то время у границ Советского Союза было сосредоточено огромное количество японских милитаристских войск. Там же на Дальнем Востоке и встретил он победу. После войны Борис Константинович вернулся в Архангельск, где вскоре повстречал свою судьбу.

Капитолина Ивановна Шарова родилась в деревне Заболотье Холмогорского района Архангельской области в семье крестьян-пекарей. Ее родители отец Иван Михайлович и мама Мария Михайловна смогли дать дочери прекрасное воспитание и образование, которые помогли ей в дальнейшей самостоятельной

жизни в городе Вельске, где у Капиталины Ивановны появилось много друзей и знакомых, пришло признание и уважение коллег по работе. А потому, услышав предложение мужа уехать в молодой и развивающийся город Щекино, восприняла с осторожностью. Не потому что испугалась трудностей или неизвестности, нет, просто женщины намного мудрее и прагматичнее мужчин. Они, в отличие от мужчин, больше склонны к созданию и уютному обустройству своих жилищ, своих «гнездышек» и меньше к различным жизненным изменениям, переездам или поискам романтизма. По крайней мере, мне так кажется. Но Капитолина Ивановна знала, что с Борисом Константиновичем можно ехать хоть на край света. Знала, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не подведет, не бросит в трудную минуту, не предаст, а потому — согласилась.

Город Щекино к тому моменту рос и процветал. Работал во всю мощь, выдавая продукцию и перевыполняя план, химический гигант, о котором в те времена много писали газеты, говорили на радио, показывали по телевидению, снимали фильмы. Вскоре о заводе появились и фильмы, созданные Борисом Константиновичем на киностудии «Проба». Фильмы рассказывали о буднях химкомбината, о работающих на нем людях, об их нелегком труде и быте. Но не только о заводе снимал Борис Константинович Шер. Все его фильмы в полном объеме отражали жизнь огромного по своей территории района. Стекланный глаз его кинокамеры заглядывал в самые сокровенные места, выхватывал из жизни самое главное, самое интересное, самое нужное. В кого только не приходилось перевоплощаться художественному руководителю Первомайского Дома культуры. Снимая фильм о людях села, он на время становился колхозником, влезал на самую верхотуру, показывая на экране работу монтажников, или спускался в шахту с шахтерами, да не просто в шахту, а в забой, в самую, что ни на есть шахтерскую преисподнюю. Всего Борисом Константиновичем и его командой на киностудии «Проба» было изготовлено свыше ста полнометражных фильмов со звуком и титрами. Продолжительность фильмов по времени разная, от трех до сорока пяти минут.

Мне тоже посчастливилось сняться у Бориса Константиновича в кино. Я помню, как он снимал наш класс в одиннадцатой школе, где я учился вместе с его дочерью

Леночкой Шер. Борис Константинович ходил между рядами парт и внимательно вглядывался кинокамерой в наши лица. Затем в кинокамере заканчивался завод, и он заводил ее, точно так, как наши родители дома заводили старые металлические будильники советской эпохи. И вновь кинокамера оживала, и вновь начинала стрекотать, и вновь он снимал нас, словно хотел запечатлеть, оставить для истории такими, какими мы были,— счастливыми и радостными, с изумлением, восторгом, смущением и детской наивностью взирающими на кинокамеру. А мы запомнили его. Запомнили таким, каким его видели — интеллигентным и культурным в общении, аккуратным и неспешным в движениях, со строгим видом, но с добрыми глазами человеком. Запомнили его тем, что он подарил нам незабываемые минуты таинственной жизни кино, подарил волшебный мир искусства, подарил нам сказку, а ведь только в сказках дети и бывают-то по-настоящему счастливы...

Осенью 2002 года Бориса Константиновича не стало. Гроб с его телом был выставлен в вестибюле Первомайского Дома культуры, к которому потоком шли люди. Площадь перед Домом культуры была заполнена до отказа. Сновали люди, стояли автобусы, подъезжали какие-то машины. Казалось, с мэтром Щекинского любительского кино пришел проститься весь город. Я тоже приходил прощаться с Борисом Константиновичем, приходил поклониться его таланту, приходил проводить его в последний путь. Я издали видел находившихся у гроба его родных и близких, видел Капитолину Ивановну, видел свою одноклассницу Елену Шер, которая естественно замужем и, конечно же, уже не Шер. Я не подошел к ним и не выразил своего чувства соболезнования, знал, что не до меня им было в тот момент. Уж слишком большая была горечь утраты. Утраты для всех. Помню, как одна из женщин, видимо коллега Бориса Константиновича, стоя у гроба, не верила в реальность происходившего. «Мне кажется, он сейчас встанет и скажет: ну что, здорово я вас разыграл?» — говорила она в своем прощальном слове. Но, увы, это была реальность. Мэтр Щекинского кино, руководитель любительской киностудии «Проба» от нас ушел навсегда.

Несколькими месяцами ранее я тогда еще внештатный корреспондент газеты «Щекинский вестник» подготавливал с Борисом Константиновичем для газеты интервью. Помню, он высказал опасение, что после него киностудия «Проба» перестанет существовать, что ее закроют, а фильмы в лучшем случае положат на какую-нибудь дальнюю полку или растащат, а в худшем выбросят на свалку или сожгут. К сожалению, его слова были пророческими. Сегодня в городе киностудии нет, хотя Борис Константинович подготовил целую группу талантливых молодых людей, которые готовы были продолжать его дело, но то ли отсутствие финансирования, то ли сегодняшняя не востребуемость кино, то ли какие-то другие причины повлияли на уничтожение этого важнейшего из искусств. Очень жаль. Борис Константинович Шер оставил нам, всем жителям города огромный багаж культурного наследия, а мы его утратили, потеряли, распродали, растащили, распылили по ветру словно пепел. Горестно это все и глупо. Стыдно нам всем должно быть: и власти имущим, и не имеющим никакой власти перед памятью о Борисе Константиновиче, стыдно должно быть перед самими собой, стыдно должно быть перед нашим будущим.

Но хорошее и доброе никогда не проходит бесследно, не исчезает в небытии, оно всегда возвращается, особенно к тем, кто это хорошее и доброе любит и ждет, например, к детям. Кинорежиссер Борис Константинович Шер очень любил детей, ведь неслучайно его первые фильмы были о детях. Учительница Капитолина Ивановна тоже не один десяток лет отдавала детям свою любовь. И сейчас, будучи на заслуженном отдыхе, не утратила связи со школой, связи с детьми. И хочется верить, что имена: дедушка Шер и бабушка Капа, не случайно явились именно в мультфильме, явились именно детям. Это закономерно. Потому что дети всегда добрее и честнее нас, взрослых.

И в заключение. В июне 2010 года в северном норвежском городе Тромсо международной киностудией снимался любительский короткометражный игровой фильм под названием «*Carpe Diem*», что в переводе на русский означает «Лови момент». Автором сценария и режиссером этого фильма была наша соотечественница Светлана Аверьянова, внучка Бориса Константиновича Шера. Жизнь продолжается.

На фото:

- 1. Борис Константинович и Капитолина Ивановна;*
- 2. Рабочий момент съемок игрового фильма;*
- 3. Капитолина Ивановна с учащимися школы;*
- 4. Дедушка Шер и бабушка Капа с внучкой Светланой*
Фото из домашнего архива семьи Шер

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛЮДИ ТОЖЕ ШУТЯТ

ЮМОР СТАЛИНА

Товарищ Сталин не был обделен чувством юмора, несколько примеров:

Из воспоминаний одного из охранников Сталина А. Рыбина.

В поездках Сталина часто сопровождал охранник Туков. Он сидел на переднем сиденье рядом с шофером и имел обыкновение в пути засыпать. Кто-то из членов Политбюро, ехавший со Сталиным на заднем сиденье, заметил:

— Товарищ Сталин, я не пойму, кто из вас кого охраняет?

— Это что,— ответил Иосиф Виссарионович,— он еще мне свой пистолет в плащ сунул — возьмите, мол, на всякий случай!

* * *

Однажды Сталину доложили, что у маршала Рокоссовского появилась любовница и это — известная красавица-актриса Валентина Серова. И, мол, что с ними теперь делать будем? Сталин вынул изо рта трубку, чуть подумал и сказал:

— Что будем, что будем... завидовать будем!

* * *

Сталин ходил с Первым секретарем ЦК Грузии А. И. Мгеладзе по аллеям кунцевской дачи и угощал его лимонами, которые вырастил сам в своем лимоннике:

— Попробуйте, здесь, под Москвой, выросли!

И так несколько раз, между разговорами на другие темы:

— Попробуйте, хорошие лимоны!

Наконец собеседника осенило:

— Товарищ Сталин, я вам обещаю, что через семь лет Грузия обеспечит страну лимонами, и мы не будем ввозить их из-за границы.

— Слава Богу, догадался! — сказал Сталин.

* * *

Конструктор артиллерийских систем В. Г. Грабин рассказывал мне, как в канун 1942 года его пригласил Сталин и сказал:

— Ваша пушка спасла Россию. Вы что хотите — Героя Социалистического Труда или Сталинскую премию?

— Мне все равно, товарищ Сталин.
Дали и то, и другое.

* * *

Во время войны войска под командованием Баграмяна первыми вышли к Балтике. Чтобы преподнести это событие по пафоснее, армянский генерал лично налил в бутылку воды из Балтийского моря и велел своему адъютанту лететь с этой бутылкой в Москву к Сталину. Тот и полетел. Но пока он летел, немцы контратаковали и отбросили Баграмяна от балтийского побережья. К моменту прилета адъютанта в Москве об этом были уже осведомлены, а сам адъютант не знал — в самолете радио не было. И вот гордый адъютант входит в кабинет Сталина и пафосно провозглашает:

— Товарищ Сталин, генерал Баграмян посылает Вам воду Балтики!

Сталин берет бутылку, несколько секунд вертит ее в руках, после чего отдает обратно адъютанту и произносит:

— Отдай обратно Баграмяну, скажи, пусть выльет там, где взял.

* * *

Разные люди, которым довелось смотреть кинофильмы со Сталиным, рассказали мне много эпизодов на эту тему. Вот один из них.

В 1949 году смотрели «Поезд идет на восток». Фильм — не ахти какой: едет поезд, останавливается...

— Какая это станция? — спросил Сталин.

— Демьяновка.

— Вот здесь я и сойду, — сказал Сталин и вышел из зала.

* * *

При разработке автомобиля «Победа» планировалось, что название машины будет «Родина». Узнав об этом, Сталин иронически спросил: «Ну и почему у нас будет Родина?» Название автомобиля сразу изменили.

* * *

Обсуждалась кандидатура на пост министра угольной промышленности.

Предложили директора одной из шахт Засядько. Кто-то возразил:

— Все хорошо, но он злоупотребляет спиртными напитками!

— Пригласите его ко мне, — сказал Сталин. Пришел Засядько. Сталин стал с ним беседовать и предложил выпить.

— С удовольствием, — сказал Засядько, налил стакан водки: — За ваше здоровье, товарищ Сталин! — выпил и продолжил разговор.

Сталин чуть отхлебнул и, внимательно наблюдая, предложил по второй. Засядько — хлюбсь второй стакан, и ни в одном глазу. Сталин предложил по третьей, но его собеседник отодвинул свой стакан в сторону и сказал:

— Засядько меру знает.

Поговорили. На заседании Политбюро, когда снова встал вопрос о кандидатуре министра, и снова было заявлено о злоупотреблении спиртным предлагаемым кандидатом, Сталин, прохаживаясь с трубкой, сказал:

— Засядько меру знает!

И много лет Засядько возглавлял нашу угольную промышленность...

* * *

Один генерал-полковник докладывал Сталину о положении дел. Верховный главнокомандующий выглядел очень довольным и дважды одобрительно кивнул. Окончив доклад, военачальник замялся. Сталин спросил: «Вы хотите еще что-нибудь сказать?»

«Да, у меня личный вопрос. В Германии я отобрал кое-какие интересующие меня вещи, но на контрольном пункте их задержали. Если можно, я просил бы вернуть их мне».

— Это можно. Напишите рапорт, я наложу резолюцию.

Генерал-полковник вытащил из кармана заранее заготовленный рапорт. Сталин наложил резолюцию. Проситель начал горячо благодарить.

— Не стоит благодарности,— заметил Сталин.

Прочитав написанную на рапорте резолюцию: «Вернуть полковнику его барахло. И. Сталин», генерал обратился к Верховному:

— Тут описка, товарищ Сталин. Я не полковник, а генерал-полковник.

— Нет, тут все правильно, товарищ полковник,— ответил Сталин.

* * *

Адмирал И. Исаков с 1938 года был заместителем наркома Военно-Морского флота. Однажды в 1946 году ему позвонил Сталин и сказал, что есть мнение назначить его начальником Главного Морского штаба, в том году переименованного в Главный штаб ВМФ.

Исаков ответил:

— Товарищ Сталин, должен вам доложить, что у меня серьезный недостаток: ампутирована одна нога.

— Это единственный недостаток, о котором вы считаете необходимым доложить? — последовал вопрос.

— Да,— подтвердил адмирал.

— У нас раньше был начальник штаба без головы. Ничего, работал. У вас только ноги нет — это не страшно,— заключил Сталин.

* * *

В первый послевоенный год министр финансов А. Зверев, обеспокоенный высокими гонорарами ряда крупных писателей, подготовил соответствующую докладную записку и представил ее Сталину. Тот попросил пригласить к нему Зверева. Когда министр вошел, Сталин, не предлагая ему сесть, сказал:

— Стало быть, получается, что у нас есть писатели-миллионеры? Ужасно звучит, товарищ Зверев? Миллионеры-писатели!

— Ужасно, товарищ Сталин, ужасно, — подтвердил министр.

Сталин протянул финансисту папку с подготовленной им запиской: «Ужасно, товарищ Зверев, что у нас так мало писателей-миллионеров! Писатели — это память нации. А что они напишут, если будут жить впроголодь?»

* * *

Осенью 1936 года на Западе распространился слух о том, что от тяжелой болезни скончался Иосиф Сталин. Чарльз Ниттер, корреспондент информационного агентства Ассошиэтед Пресс, решил получить информацию из самого достоверного источника. Он отправился в Кремль, где передал для Сталина письмо, в котором просил: подтвердить или опровергнуть этот слух.

Сталин ответил журналисту немедленно: «Милостивый государь! Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

26 октября 1936. С уважением И. Сталин».

* * *

Как-то иностранные корреспонденты спросили Сталина:

— Почему на гербе Армении изображена гора Арарат, ведь она не находится на территории Армении?

Сталин ответил:

— На гербе Турции изображен полумесяц, а ведь он тоже не находится на территории Турции.

* * *

Наркома сельского хозяйства Украины вызвали на Политбюро. Он спросил:

— Как я должен докладывать: кратко или подробно?

— Как хотите, можете кратко, можете подробно, но регламент три минуты,— ответил Сталин.

* * *

В Большом Театре готовили новую постановку оперы Глинки «Иван Сусанин». Послушали члены комиссии во главе с председателем Большаковым и решили, что надо снять финал «Славься, русский народ!»: церковность, патриархальщина...

Доложили Сталину.

— А мы поступим по-другому: финал оставим, а Большакова снимем.

* * *

Когда решали, что делать с немецким военным флотом, Сталин предложил поделить, а Черчилль внес встречное предложение:

— Затопить.

Сталин отвечает:

— Вот вы свою половину и топите.

* * *

Сталин приехал на спектакль в Художественный театр. Его встретил Станиславский и, протянув руку сказал:

— Алексеев,— называя свою настоящую фамилию.

— Джугашвили,— ответил Сталин, пожимая руку, и прошел к своему креслу.

* * *

Гарриман на Потсдамской конференции спросил у Сталина:

— После того, как немцы в 1941 году были в 18 км. от Москвы, наверное, вам сейчас приятно делить поверженный Берлин?

— Царь Александр дошел до Парижа,— ответил Сталин.

* * *

На переговорах шли споры о послевоенных границах, и Черчилль сказал:

— Но Львов никогда не был русским городом!

— А Варшава была,— возразил Сталин.

